

Феликс Кохрихт

Бабели и Кохрихты

Все Кохрихты – родственники. Однофамильцев нет. Во всяком случае, мне не встречались. Судя по всему, такое же положение дел и в роду Бабелей. Предвижу, что уже начало этих заметок смутит читателей. И в самом деле: что за аналогия? Великий писатель и... На месте этого многоточия – мой рассказ.

Наши одесские семьи принадлежали одному времени, одному сословию, одной конфессии. Они были, как нынче выражаются, одного круга.

Родословная Исаака Бабеля известна почитателям его таланта, напомним лишь, что с 1907 года семья жила в доме, построенном в начале XX века на углу Ришельевской и Жуковского. Здесь же Эммануил Исаакович Бабель держал и свою контору, где занимался продажей сельхозмашин иностранного производства.

Мой прадед, Исаак Яковлевич Кохрихт, владелец ювелирных магазинов, был купцом первой гильдии. Его большая семья жила в доме Вагнера на Дерибасовской. Главные магазины размещались там, где в наше время было знаменитое кафе «Алые паруса», и в «Пассаже».

Наши предки вполне могли встречаться, а быть может, и познакомиться, скажем, в 1910-11-м годах на грандиозной выставке в Александровском парке, где демонстрировали свои достижения промышленники, коммерсанты, деловые люди Юга России. У меня хранится репродукция со старой фотографии: реклама магазинов Кохрихтов у самой арки перед входом на Ланжерон, но может быть, что и plugи фирмы Мельгозе, которые продавал Бабель-старший, находились в соседнем павильоне...

Еще одна точка соприкосновения – благотворительные аукционы, сбор средств, к примеру, на Еврейскую больницу, на создание учебных заведений, в поддержку нуждающихся. Фамилии родичей я видел среди жертвователей, а знаток Одессы Олег Губарь нашел имя моего прадеда среди тех, кто внес деньги на памятник Пушкину на Приморском бульваре...

И наконец, наши семьи могли встречаться в синагоге, что в Базарном переулке, где Исаак Яковлевич был старостой... О том, что он давал внушительные суммы на покупку участков в Палестине для тех, кто мечтал поселиться на Земле обетованной, я узнал совсем недавно в Израиле.

Мой отец и Исаак Бабель – почти ровесники. Будущий писатель родился в 1894 году, а Давид Кохрихт – в 1898-м. Любопытно, что со временем он прибавил себе эти четыре года разницы, чтобы иметь возможность записаться добровольцем на первую мировую войну, и в его наградных документах значилось: год рождения – 1894-й. Кавалер двух Георгиев, имеющий несколько медалей, вольноопределяющийся унтер-офицер – был ранен, и в московском госпитале на Воробьевых горах его, наследника крупного состояния, вчистую распропагандировали большевики...

Как известно, и выходец из буржуазной семьи Исаак Бабель симпатизировал идеям всеобщих равенства и братства, служил в Конармии и мог по долгу службы встречаться с замначальника Бульварного района Красной одесской милиции Давидом Кохрихтом... Отец рассказывал мне, как в 20-е годы «брал» колоритных бандитов – вылитых героев будущих рассказов Бабеля. Он знал Михаила Винницкого – Мишку Япончика, и не считал его прототипом Бени Крика.

В середине тридцатых годов друзья из ГПУ посоветовали отцу (учитывая его классовое происхождение и царские боевые кресты) потихоньку покинуть ряды милиции. И он, уже имея в петлицах два рубиновых ромба (почти генерал), так и сделал. И переqualificировался в управдомы, что сделало Остапа Бендера его любимым литературным персонажем. И опера угрозыска Евгения Катаева (будущего Петрова, соавтора Ильфа) он тоже знал...

Перед войной от второго отцовского (позднего) брака с Софьей Ставницер (еще одна известная одесская семья) родился я.

23 июня 1941 года ветеран первой мировой Д.И. Кохрихт и мой старший сводный брат Аба, вчерашний десятиклассник, пошли в военкомат. На Великой Отечественной они уцелели, но после нее отцу довелось пережить сына...

За несколько лет до войны у Исаака Бабеля и Антонины Пирожковой родилась дочь Лидия. Ее вырастила мать, отца арестовали и в 1940 году расстреляли...

Впервые я задумался о сходстве судеб наших семей в дни, когда по мере сил участвовал в работе по установлению памятника Исааку Бабелю. На международном фестивале, посвященном одесской литературной школе, познакомился с внуком Бабеля Андреем, а через несколько дней он, актер и режиссер, читал рассказы своего деда в Одесской филармонии.

И тут я подумал: «Вот где наверняка встречались наши предки!». Здание это спроектировал архитектор Бернардацци, оно изначально предназначалось под биржу, и в большом зале (ныне концертном) в начале XX века совершались масштабные и доверительные сделки, сулившие выгоду и ювелирам, и торговцам сельхозмашинами, и банкирам, и судоходным компаниям, а Одессе – процветание.

И как раз в этот момент Андрей Бабель приступил к рассказу «Ди Грассо», моему любимому, где есть дивные строки о нашем городе, об Оперном театре, об уходящих ввысь колоннах Думы, об освещенной листве на бульваре, о бронзовой голове Пушкина с неярким отблеском луны на ней...

Р. С. А еще у семьи Кохрихт было много общего с Мильгромами – персонажами повести Владимира Жаботинского «Пятеро». Но это – уже другая история.

